

Писатели-вологжане

поздравляем!

Александр Алексеевич Грязеву - 65 лет

От всей души поздравляем вас, известного русского писателя, секретаря Вологодской писательской организации с днем 65-летия.

Ваши книги издавались в Москве, Архангельске и Вологде. Они всегда были источником патриотизма, добра и света, к которому стремились ваши читатели. Вы в это непростое для России время являетесь ее духовным защитником. Несете в меру своих сил правду народу как в новых рассказах, повестях, так и киносценариях.

Желаем вам крепкого здоровья, бодрости духа, новых творческих замыслов и долгих лет жизни.

Александр ГРЯЗЕВ

проза

Попутчик

Его я увидел сразу за поворотом дороги. Старик сидел на большом плоском валуне у обочины. Короткая седая борода дугой окидывала от виска до виска его загорелое широкоскулое лицо. Суковатый, до блеска вытертый руками батог, и кепка с выгоревшей на солнце пуговкой лежали рядом на сером камне.

Лицо его показалось мне знакомым.

- Здравствуй, - приветствовал я старика.

- Здорово, как не шутишь, - громко и весело ответил тот.

- Куда путь держишь?

Я остановился.

- В Кузьминки.

Из-под срослых бровей пристальноглянули на меня небольшие с прищуром глаза.

- Уж не Митрия ли Боброва сынок будешь?

- Да, его.

- Стало быть, Натолей Митрич. Ну-ну, здорово, - он протянул мне крепкую, в узловатых венах, шершавую руку. - По природе тебя узнал. Вашу бобровскую природу издалека заметно. А я Иван Харитонович буду, Кудрявцев. Может, помнишь?

Я сказал, что узнал его, что помню, как приходил он к нам, когда еще был жив мой отец.

- Вот-вот. Садись, - Харитонович подвинулся, освобождая место рядом с собой. - Покурим, если не к спеху, да уж и потрясемся дальше.

Видно было, что он рад случайному попутчику на этой длинной и безлюдной сейчас дороге.

Присев рядом, я предложил Харитоновичу сигарету с фильтром. Он отказался.

- Я, паря, это курево не уважаю. Не табак, один кашель. К папиросам вот привык, - он достал из кармана пачку «Севера».

- А я давно это тебя поджидаю, понимаешь. Авось, думаю, попутчик мне до поворотки будет. На побывку, али как? - спросил Харитонич.

- Да вот еду к маме в отпуск.

- Это дело... А вот наш Генашка нынче не сулит. Пишет, что на юг с женой поедут.

Старик вдавил каблуком окурки в землю.

- Тебя Захаровна-то поди ждет? Скушно ей одной-то.

Ждет. Я ей телеграмму дал.

- Ну, тогда потопали.

Харитонич встал, надел кепку и, опираясь на свою самодельную клюшку, прихрамывая,

пошел по дороге.

В этот осенний серый день было как-то непривычно тихо и неуютно и на этом проселке, размокшем от дождя, и в безлистом лесу вдоль дороги, и на давно уже прибранных полях. Я сказал об этом Харитоничу.

- Пустота, - ответил он. - Ни зверя, ни птицы. Пора такая, да и повывелось много.

- Браконьеры?

- Какое? Привыкли сейчас все на браконьеров валить. У нас охотников-то здесь на всю округу шьш да маленько. Тут другое браконьерство. Вон, смотри.

Харитонич показал на края поля, мимо которого мы проходили. Там у зеленой озими желтела большая куча удобрения.

- Наверняка с весны лежит. А сколько куч таких по всем-то полям нашим. Тут не только заяц или другая мелкота, а и слон подохнет. Да это еще что. Какой-то дурак придумал удобрения с самолетов распылять. Это на наши-то поля! Вот и летит отравка облаком на лес и на реку. И нет тебе ни птиц, ни зверей, ни рыбы.

- Так ведь надо говорить об этом. В газете написать бы.

Харитонич усмехнулся.

- И говорят, и пишут, да что толку-то. Это все равно, что в лесу кричать: одного себя услышишь. Не говорить надо, а бить.

Харитонич шел медленно, волоча правую ногу, и я спросил, что заставило его идти в город по такой дороге, да еще с больной ногой.

- Ходил в собес насчет пенсии хлопотать.

- Ну и как?

- А никак. Ничего не вышло.

- Почему?

- Документы требуются, а у меня их нет.

- Утеряны?

- Да нет. Видишь ли какое дело. В самом конце войны, когда мы уже по Германии шли, контузило меня да вдобавок в ногу осколком садануло. Сначала я в медсанбате лежал, а потом в полевом госпитале. Как полегче-то стало, я оттуда и сбежал в свой минометный батальон. От ребят не хотелось отставать: всю войну вместе прошли. Сбежал я из гос-

питался, конечно, без всяких там документов. Тогда это было обычным делом. Разве думал, что потом придется по собесам ходить. До бумаг ли было. Но я и сейчас не жалею о том. Берлина, правда, мы не брали, но по его улицам прошлись... Ну и вот, пока сила была - работал. Молоко на сырзавод возил, а теперь не смогать стал. Года не те, да и нога не дает. Сперва она уставала, а потом в подъеме перестала слушаться, и я опять раненый стал. А в райсобесе документ о ранении нужен. Там говорят, мол, если бы у вас ступня оторвана была, тогда бы - другое дело. Будто я виноват, что ее тогда не оторвало. В общем, как говорится, кому шиш, а мне всегда два.

Харитонич горько усмехнулся, помолчал, обходя лиуэцу, и заговорил снова, но уже о другом.

- А батька твоего Митрия Ивановича я хорошо знал. Одногодки мы с ним. Гуляли в парнях-то вместе. Веселый был мужик, да... Гармонист. Они к нам в Романцево все на беседы ходили. Соберет Митрий, бывало, вагату молодых, а сам впереди с гармонью. Так издали слышим, что кузьминские ребята к нам на вечерину идут. Раньше клуба ведь не было. Соберемся в какой-нибудь избе, лампы к потолку подвесим и гуляем до утра. Песни поем да пляшем. Он, Митрий, и Захаровну-то от нас взял. Тоже в девках-то красавица была, остроглазая. Тихие ей не по нраву были. Вот Митрий и увез ее из Романцево. Только, помню, за здорово живешь мы ее не отдали. Опосля венчания повез он Захаровну в Кузьминки, а мы двоим саней поперек дороги и поставили; откупайся и проезжай. Такой уж обычай. Две четверти тогда он нам поставил... Да, так все оно и было... Ну, вот я и притопал, - неожиданно закончил Харитонич и показал на узкую дорожку, уходящую в глубину леса. - Наша поворотка.

- Ну и как же вы теперь? - спросил я.

- Что как? Это ты насчет пенсии, что ли?

- Да.

- Так уж боле не пойду. Хватит. По комиссиям таскаться буду, так и вторую ногу доведу. Теперь уж своих годов ждать надо. Через два года я на пенсию по старости пойду, если доживу. Глафира моя пенсию получает. Ничего, выдюжим как-нибудь. Сын поможет. На него у нас с маткой вся надежда. Ну, прощай, - Харитонич подал мне руку. - Покудова. Будь здоров.

Он пошел по тропинке, потом обернулся.

- Слышь-ко, Натолей. Захаровне-то поклон передай. Скажи, мол, Харитонич кланяться велел.

- Спасибо, обязательно передам.

- Вот-вот.

Старик повернулся, неторопливо зашагал, опираясь на суковатый батог, и вскоре скрылся в молодом густом ельнике.

До моих Кузьминок осталось километра два.